

Но этимъ не могли помочь.
Однако же въ преданьяхъ славы
Все громче Рымника, Полтавы
Гремитъ Бородино!
Скорѣй обманетъ гласъ пророчій,
Скорѣй небесъ погаснутъ очи,
Чѣмъ въ памяти сыновъ полночи
Изгладится оно.

Мой домъ.

Мой домъ вездѣ, гдѣ есть небесный сводъ,
Гдѣ только слышны звуки пѣсень,
Все, въ чемъ есть искра жизни, въ немъ
И для поэта онъ не тѣсенъ. [живеть,
До самыхъ звѣздъ онъ кровлей досягаетъ,
И отъ одной стѣны къ другой
Далекій путь, который измѣряетъ
Жилецъ не взоромъ, но душой.
Есть чувство правды въ сердцѣ человѣка,
Святое вѣчности зерно:
Пространство безъ границъ, течение вѣка
Объемлетъ въ краткій мигъ оно
И Всемогущимъ мой прекрасный домъ.
Для чувства этого построень,
И осужденъ страдать я долго въ немъ,
И въ немъ лишь буду я спокоенъ.

Стансы.

Мнѣ любить до могилы Творцомъ суждено;
Но по волѣ того же Творца
Все, что любить меня, то погибнуть должно.
Иль, какъ я же, страдать до конца.
Моя воля надеждамъ противна моимъ:
Я люблю и страшусь быть взаимно любимъ.
На пустынной скалѣ незабудка весной
Одна безъ подругъ расцвѣла,
И ударила буря, и дождь проливной,
И, какъ прежде, недвижна скала;
Но красивый цвѣтокъ ужъ на ней не бле-
ститъ:
Онъ вѣтромъ надломленъ и градомъ убитъ.
Такъ точно и я подъ ударомъ судьбы,
Какъ утѣсь, неподвиженъ стою,
Но не мысли никто перенести сей борьбы,
Если руку пожметъ онъ мою
Я не чувствую, но поступковъ своихъ вла-
стелинъ:
Я несчастливъ, пусть буду несчастливъ одинъ.

1831.

1 января 1831 г.

Рѣдѣютъ блѣдныя туманы
Надъ бездной смерти роковой,
И вновь стоятъ передо мной
Вѣковыя протекшихъ великаны.
Они зовутъ, они манятъ,

Поютъ, и я пою за ними,
И, полный чувствами живыми,
Страшусь поглядѣть назадъ
Чтобъ бытія земного звуки
Не замѣшались въ пѣснь мою,
Чтобъ лучшей жизни на краю
Не вспомнилъ я людей и муки,
Чтобъ я не вспомнилъ этотъ свѣтъ,
Гдѣ носить все печатъ проклятья,
Гдѣ полны ядомъ все объятья,
Гдѣ счастья безъ обмана нѣтъ

Гость.

Былъ, посвящается А. ВЕРЕЩАГИНОЙ.

Кларису юноша любилъ
Давно тому назадъ;
Онъ сердце дѣвы получилъ...
А сердце—лучшій кладъ.
Ужъ громкій колоколъ гудеть
И въ церкви попь съ вѣнцами ждетъ
И вдругъ раздался крикъ войны,
Подняты знамена:
Спѣшать отечества сыны—
И ноги въ стремя!
Идетъ Калмаръ, томимъ тоской,
Проститься съ дѣвой молодой
«Клянись, что вѣчно», молвилъ онъ,
«Мнѣ не измѣнишь ты!
Пускай холодной смерти сонъ,
О дѣва красоты,
Насъ освѣняетъ подъ землею,
Коль не вѣнцы любви святой!»
Клариса клятву говоритъ,
Дрожитъ слеза въ очахъ,
Разлуки поцѣлуй горитъ
На розовыхъ устахъ:
«Вотъ поцѣлуй послѣдній мой:
Съ тобою въ храмъ и въ гробъ съ тобой!»
«И такъ прости! жалѣй меня:
Печалень мой удѣлъ!»
Калмаръ садится на коня,
И вихремъ полетѣлъ...
Дни мчатся... снѣгъ въ поляхъ лежитъ...
Все дѣва плачетъ да груститъ...
Вотъ и весна явилась вновь,
И въ солнцѣ прежній жаръ.
Проходитъ женская любовь.
Забытъ, забытъ Калмаръ!
И долженъ получить другой
Ея красу съ ея рукой.
Съ невѣстой подъ руку женихъ
Пируетъ за столомъ.
Гостей обходитъ и родныхъ
Стаканъ, шипя виномъ.
Пиръ брачный весело шумитъ;
Лишь молча гость одинъ сидитъ.
На немъ шелома избитъ въ бояхъ,
Подъ холодной сталью ликъ,
И плащъ изорванъ на плечахъ,
И ржавый мечъ великъ.